

УДК 316.54

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ КОНКРЕТНЫХ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Н.Н. Понарина, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры Социальной работы
Армавирского института социального
образования (филиала) РГСУ

В статье анализируется трактовка термина глобализация зарубежными и отечественными исследователями в рамках социологии и политологии. Рассматриваются как положительные, так и негативные стороны глобализации.

Ключевые слова: глобализация, социальная взаимосвязанность, социальная деятельность, социальное пространство, коммуникационные и информационные технологии, глобальная интеграция.

С середины 1980-х социологи стали выходить за рамки относительно неразвитого характера прежних рассуждений о сжати или уничтожении пространства и предложили строгую концепцию глобализации. Также утверждается, что глобализацию невозможно четко определить, ибо «понятие глобализации описывает процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными» [1, с. 37–38]. С.М. Шахрай говорит о том, что термин глобализация в середине 90-х годов, трактовался иначе, чем сейчас: под «глобализацией» понимался «процесс международного масштаба, обусловленный инвестициями на финансовых рынках, которые определялись техническими достижениями и дерегулированием» [2]. Немецкие исследователи Ю. Остерхаммель и Н. Петерсон показывают некоторые методологические сложности точного определения глобализации, делая акцент на таких не переменных факторах глобализации, как «большая роль экспансии, концентрации и ускорения международных отношений» [3].

Говоря об определениях глобализации они отмечают, что «дефиниции часто содержат различные диагнозы нашей эпохи. Почти всегда там содержится вопрос о том, означает ли глобализация отмирание национального государства и приведет ли она мир к культурной гомогенности, или придаст новые смыслы концептам пространства и времени». В интерпретациях глобализации важно учитывать ценностные установки исследователей, как ее сторонников, так и ее противников.

Конечно, по-прежнему существуют расхождения в мнениях относительно истинной природы сил, ставших причиной глобализации. Дэвид Харви взял за основу марксистскую теорию глобализации, тогда как другие (Гидденс, Хельд, Макгрю, Гольдблатт, Перратон) ставят под сомнение необходимость делать акцент исключительно на экономических факторах, как это делал Маркс. Однако похоже, что по поводу

базовых идей в концепции глобализации появляется единство взглядов.

Во-первых, современные аналитики связывают глобализацию с детерриториализацией. Они считают, что наблюдается все большее разнообразие социальной деятельности, независимо от географического расположения участников. Как замечает Ян Аарт Схольте, «события мирового масштаба могут – благодаря телекоммуникации, компьютерам, аудиовизуальным средствам массовой информации и т.д. – происходить почти одновременно в любом месте планеты» [4]. Глобализация означает увеличение возможностей для взаимодействия между людьми в ситуациях, когда географическое положение не имеет значения для социальной деятельности. Даже если оно важно для многих предприятий (например, фермерства для удовлетворения потребностей местного населения), детерриториализация проявляется во многих сферах социальной деятельности. Предприниматели на разных континентах занимаются теперь продажей бытовой электроники; телевидение позволяет людям в любом месте мира наблюдать за войнами, происходящими далеко за пределами их комфортного жилья; ученые пользуются современным оборудованием для проведения видеоконференций, находясь в разных странах; Интернет дает возможность людям общаться, несмотря на разделяющие их расстояния. Территория в традиционном смысле географически идентифицируемого места больше не является совокупностью «социального пространства», в котором осуществляется человеческая деятельность. В этом первоначальном значении термина глобализация означает распространение новых форм нетерриториальной социальной деятельности.

Во-вторых, в последних теориях глобализация связывается с ростом социальной взаимосвязанности через существующие географические и политические границы. С этой точки зрения детерриториализация является важней-

шей стороной глобализации. Однако уделение ей исключительного внимания было бы ошибочным. Поскольку значительная часть человеческой деятельности все еще связана с конкретным географическим местом, более значимый аспект глобализации состоит в том, как события, происходящие в отдаленных местах, воздействуют на деятельность на местном и региональном уровне [5, р. 9]. Например, оцифрованная книга может рассматриваться как образец детерриториализованного социального пространства, поскольку она позволяет обмениваться идеями в киберпространстве. Единственное предварительное условие для ее использования – доступ к Интернету. Хотя доступ к глобальной сети имеют далеко не все, использование оцифрованной книги в принципе не связано с каким-либо конкретным географическим местом. Читатель может пользоваться ею как дополнением к школьному или университетскому курсу обучения. Учебное заведение не только находится в определенном месте, но его местоположение, возможно, имеет значение для понимания многих из его ключевых атрибутов: уровень финансирования может различаться в зависимости от государства или региона, где находится университет. Кроме того, один и тот же предмет специализации может потребовать одних курсов и лекций в российском университете, и других в Англии или США. Глобализация относится к тем процессам, с помощью которых события и решения в отдаленных местах во все большей степени влияют на «местную» университетскую жизнь. Например, требования авторитетных политических лидеров в странах Первого мира, чтобы Международный валютный фонд (МВФ) обязал латиноамериканские страны следовать определенной экономической политике, могут привести к тому, что труд учителей и ученых будет плохо оплачиваться, преподавательский состав в Сан-Паулу или Лиме будет недоукомплектован; внесение инноваций в информационной технологии, осуществленное в какой-нибудь компьютерной научно-исследовательской лаборатории в Сингапуре может быстро изменить программу обучения студентов в Австралии или Китае. Глобализация относится к «процессам изменения, трансформирующим организацию человеческой деятельности путем объединения и расширения ее в регионах и на континентах» [6, р. 15]. В этом смысле глобализация – это вопрос степени или меры, поскольку любая социальная деятельность может повлиять на события, происходящие на большем или меньшем удалении от этой деятельности, хотя все большее число видов деятельности взаимосвязаны с событиями на дальних континентах, некоторые ее виды остаются по своему масштабу преимущественно локальными или региональными. Наконец, мы можем рассматривать степень, в какой взаимосвязанность больше не является случайной, а, напротив, предсказуемой и упорядоченной.

В-третьих, говоря о глобализации, мы должны иметь также в виду скорость социальной деятельности. Детерриториализация и взаимосвязанность вначале кажутся пространственными по своему характеру. Однако легко увидеть, что эти пространственные сдвиги непосредственно связаны с ускорением важнейших форм социальной деятельности. Как было отмечено выше, распространение скоростного транспорта, коммуникационных и информационных технологий является главной причиной слияния географических и территориальных границ. Сжатие пространства предполагает скоростные технологии; изменения в нашем восприятии территории зависят от сопутствующих изменений в темпоральности человеческих действий. Однако скоростная технология – это лишь верхушка айсберга. Объединение и расширение социальной деятельности за пределы границ обусловлено возможностью относительно быстрых потоков и движения людей, информации, капитала и товаров. Не будь этих быстрых потоков, трудно понять, как отдаленные события могут оказывать влияние, которое они сейчас оказывают. Скоростная технология играет ключевую роль в скорости человеческой деятельности. Но в общий темп и скорость социальной деятельности вносят свой вклад и многие другие факторы. Одним примером может служить организационная структура современного капиталистического предприятия; некоторые нынешние привычки и склонности, в том числе «маниакальное пристрастие к движению и скорости», упомянутое Дьюи, – другой пример. Детерриториализация и расширение взаимосвязанности тесно связаны с ускорением социальной жизни, тогда как само социальное ускорение приобретает многие различные формы [7]. И здесь мы легко можем увидеть, почему глобализация – это всегда вопрос степени. Скорость потоков, перемещений и взаимообменов может варьировать не в меньшей мере, чем их величина, влияние или регулярность.

В-четвертых, хотя аналитики расходятся во мнениях относительно причин глобализации, многие соглашаются, что глобализацию следует понимать как относительно долгосрочный процесс. Триаду детерриториализации, взаимосвязанности и социального ускорения едва ли следует рассматривать как внезапное или недавно возникшее явление в современной социальной жизни. Глобализация представляет собой составную часть современного мира, и в современной истории есть множество примеров глобализации. Как было отмечено выше, мыслители 19 века распознали в ней по крайней мере некоторые основные особенности; уплотнение территориальности было важным элементом их жизненного опыта. Между тем, некоторые современные исследователи считают, что глобализация особенно интенсивно проявилась в последние десятилетия, когда инновации в коммуникационной, транспортной и информацион-

ной технологии (в частности, компьютеризация) создали потрясающие возможности для одновременности и мгновенности [8]. С этой точки зрения, сегодняшний интерес интеллектуалов к проблеме глобализации можно объяснить появлением скоростных технологий, которые минимизируют значение расстояния и повышают возможности для детерриториализации и социального взаимодействия. Хотя интенсивное ощущение территориального уплотнения, испытываемое столь многими из наших современников, несомненно напоминает опыт предшествующих поколений, некоторые нынешние авторы утверждают, что было бы ошибочно не указывать на те многочисленные и далеко идущие последствия трансформации пространственных и темпоральных контуров человеческого опыта. Если в 19 веке люди по понятным причинам восхищались телеграфом и железной дорогой, сравнительно широкий спектр социальной деятельности в настоящее время трансформируется инновациями, которые ускоряют социальную деятельность и в значительной мере усиливают долгосрочные тенденции к детерриториализации и социальным взаимосвязям. Несомненно, влияние детерриториализации, социальной взаимосвязи и социального ускорения ни в коем случае не являются универсальными или единообразными: например, мигранты, занимающиеся традиционными формами низкооплачиваемых сельхозработ на полях южной Калифорнии, вероятно действуют в ином пространственном и темпоральном контексте, чем предприниматели из Сан-Франциско или Сиэтла, предоставляющие услуги в Интернете. На определенном историческом этапе сосуществуют различные точки зрения по поводу пространства и времени [9]. Однако влияние последних технологических инноваций настолько велико, что и даже те, чья работа не связана непосредственно с новой технологией, формируются этой технологией как граждане и потребители [10, p. 16].

В-пятых, глобализацию следует понимать как многосторонний процесс, поскольку детерриториализация, социальные взаимосвязи и ускорение проявляются во многих различных сферах социальной деятельности (экономической, политической и культурной). Хотя каждый аспект глобализации связан с ключевыми компонентами глобализации, описанной выше, каждый из них состоит из сложной и относительно автономной серии событий, требующих тщательного изучения, чтобы раскрыть присущие им каузальные механизмы. Кроме того, каждое проявление глобализации порождает свои конфликты и проблемы. Например, есть множество свидетельств того, что международные обмены, а также появление транснациональных форм производства, при котором один и тот же продукт изготавливается одновременно в самых отдаленных уголках мира, приобретают все большие масштабы [11]. Скоростные техноло-

гии и методы организации используются транснациональными компаниями, так называемыми «глобальными игроками», с высокой эффективностью. Появление финансовых рынков, работающих «во всем мире круглосуточно», где важные финансовые сделки совершаются в киберпространстве в мгновение ока, – знакомый пример экономической стороны глобализации. Глобальные финансовые рынки бросают вызов либеральным демократическим государствам, которые пытаются ограничить деятельность банкиров и выражают понятную озабоченность по поводу роста власти финансовых рынков над демократически избранными представительными институтами.

В политической жизни глобализация принимает иную форму, хотя общие тенденции к детерриториализации, международной взаимосвязанности и ускорение социальной деятельности имеют и здесь фундаментальное значение. Транснациональные движения, в которых активисты применяют скоростные коммуникационные технологии, чтобы объединить усилия в борьбе с проблемами, являющимися также транснациональными по своему масштабу (например, истощение озонового слоя), являются примером политической глобализации. Другой пример – тенденция к созданию амбициозных наднациональных форм социального и экономического законотворчества и регулирования, когда отдельные государства сотрудничают с целью разработки юрисдикции, выходящей за пределы национальных границ так же, как экономические процессы, способные подорвать традиционные способы государственного регулирования. Политологи обычно рассматривают тенденцию к созданию амбициозных форм наднациональной организации (Европейский союз, например, или Северо-Американская ассоциация свободной торговли) как важные недавние проявления политической глобализации. Однако количественный рост наднациональных организаций сулит не меньшее число конфликтов, чем экономическая глобализация. Критики утверждают, что местные, региональные и национальные формы самоуправления быстро заменяются недостаточно демократическими формами глобального управления, далекого от нужд рядовых граждан, тогда как сторонники глобализации считают новые формы наднациональных юридических и политических решений необходимыми предвестниками более прогрессивных форм самоуправления.

Если многие западные исследователи видят в глобальной интеграции стран и культур благо для всего человечества, то большинство отечественных исследователей обращает внимание именно на негативные стороны глобализации. Так, например, А.Г. Дугин считает, что «нынешняя глобализация есть сугубо однопольная партикулярная глобализация. Она представляет собой процесс униформного навязыва-

вания всем народам Земли частной социально-экономической парадигмы, связанной с западной, а еще точнее, с американской цивилизационной моделью» [12].

Возможно, наиболее убедительные аргументы о слабости глобализации выдвигает Пол Херст, английский политолог, имеющий связи с лейбористской партией. Херст и Томпсон утверждают, что тенденция к глобализации, наблюдающаяся за последние двадцать лет, была преувеличена как процесс: он имел прецеденты, настоящих многонациональных глобальных компаний мало, а иностранные инвестиции и торговля концентрируются в так называемой триаде – Западной Европе, Северной Америке и Японии. В сумме, экономика становится более интернациональной, но не более глобальной [13, р. 1-3; 18-98]. К этой критике присоединяются политолог Роберт Уэйд [14, р. 66-84], ведущий специалист по Восточной Азии, и социолог Нейл Флигштейн [15].

Эта аргументация вносит важную коррективу во взгляды на глобализацию, предполагающие ее неизбежность и необратимость. Однако есть два ключевых контраргумента. В отношении вопроса неравномерного распространения глобализации в мире Кастельс справед-

ливо замечает, что глобальная экономика не предназначена для того, чтобы охватывать всю планету. Она включает в себя только определенные сегменты деятельности как в развитых, так и в развивающихся странах.

Второй контраргумент в том, что сторонники тезиса о слабости глобализации почти исключительно фокусируют внимание на ее экономических и финансовых аспектах и не учитывают ее политические, социальные и культурологические аспекты. Социологи Мануэль Кастельс, Джон Мейер и Майкл Ханнан, Хью Лауч, Эстер Харгиттай и Мигель Анхел Сентено [16] приводят и обсуждают свидетельства в пользу политической и культурной глобализации, которые в целом довольно убедительны [17, р. 63-66]. В итоге, ученые, указывающие на слабость глобализации, внесли вклад в развенчивание некоторых мифов и предположений об этом процессе.

Однако они, по-видимому, слишком отвержены концепции «монолитности» глобализации и забывают о том, что глобализация представляет собой сеть отношений, создающую взаимное представление участников этих отношений друг о друге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
2. Шахрай С.М. Глобализация в современном мире: политико-правовые аспекты. СПб., 2004.
3. Osterhammel J., Petersson N.P. Globalization: A Short History. Princeton, 2005.
4. Scholte J. Globalization: A Critical Introduction. New York, 2000.
5. Tomlinson J. Globalization and Culture. Cambridge, 1999.
6. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Stanford, 1999.
7. Eriksen T.H. Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age. London, 2001; Scheuerman W.E. Liberal Democracy and the Social Acceleration of Time. Baltimore, 2004.
8. См.: Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford, 1989.
9. Gurvitch G. The Spectrum of Social Time. Dordrecht, 1965.
10. Eriksen T.H. Tyranny of the Moment: Fast and Slow Time in the Information Age.
11. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая индустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
12. Дугин А.Г. Глобализация два пути URL: <http://www.arctogea/eurasia/doclad/global/2000>.
13. Hirst P., Thompson G. Globalization in Question. London, 1996.
14. Wade R. Globalization and Its Limits: Reports of the Death of the National Economy are Greatly Exaggerated // National Diversity and Global Capitalism / ed. by Suzanne Berger and Ronald Dore. Ithaca, 1996.
15. Fligstein N. Is Globalization the Cause of the Crises of Welfare States? // EUI Working Paper SPS No. 98/5. Badia Fiesolana, San Domenico, 1998.
16. Centeno M.A. Democracy within Reason: Technocratic Reform in Mexico. Pennsylvania, 1997.
17. Petrella R. Globalization and Internationalization: The Dynamics of the Emerging World Order // States against Markets: The Limits of Globalization / ed. by Robert Boyer and Daniel Drache. London, 1996.

THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION IN TODAY'S COMPETITIVE INTERPRETATIONS OF SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES

N.N. Ponarina, PhD of Pedagogical, assistant professor of Social Work Social Education Institute, Armavir (branch) RSCU

In article the treatment of the term globalization foreign and domestic researchers within the limits of sociology and political science is analyzed. Are considered both positive, and globalization negative sides.

Key words: globalization, social coherence, social activity, social space, communication and information technology, global integration.

УДК 004

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

B.B. Ратиев, кандидат философских наук, заведующий кафедрой общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин филиала Московского института экономики, менеджмента и права в г. Краснодаре

В статье охарактеризовано понятие «информационное общество», которое играет значительную роль в развитии и существовании нематериальной субстанции, условно именуемой «информацией», обладающей свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Выявлены особенности информационных процессов, сопровождающих развитие информационного общества на современном этапе.

Ключевые слова: информационное общество, информационные процессы, информационные модели, информационная среда.

Информационное общество как социальная, экономическая и культурная система стало объектом внимания исследователей уже с 1960-х гг., когда смена парадигмы эпохи уже не вызывала сомнения. В это же время конституировался и сам термин «информационное общество», введенный в научный оборот почти одновременно американскими и японскими исследователями.

Основным признаком и качественным параметром общества нового типа была признана особая роль знания и основанных на нем технологий, доминирование информации, ускорение технического прогресса, уменьшение доли материального производства в совокупном общественном продукте, развитие сектора услуг, повышение качества жизни [1, p. 13].

Формирование концепций информационного общества было обусловлено стремительными изменениями в технологической сфере, что привело к доминированию цивилизационного подхода к историческому процессу, позволяющему фиксировать различные стадии цивилизационного развития человечества по пути

технологического прогресса. Обоснование Д. Беллом существования доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества, С. Лэшем и С. Круксом – предмодернистского, модернистского и постмодернистского этапов социального развития, А. Тоффлером – первой, второй и третьей волны, П. Дракером – капиталистического и посткапиталистического общества, Р. Инглехартом – модернизации и постмодернизации, по существу, означало построение комплексной теории общественной эволюции, теории прогресса. Очевидно, что в границах обозначенных концепций акцентировались различные составляющие процессов развития – экономические, политические, информационно-технологические, социокультурные, что привело к развитию теории информационного общества, которая стала такой же влиятельной, как постиндустриальная концепция и концепция постмодернити [2].

Информационное пространство, в которое человечество вступило несколько десятилетий назад, соответствует принципиально новому состоянию культуры. Оценивая это состояние и